

вольствием. Подобные трудности имели место и в последующие годы, а их разрешение затянулось еще на десятилетия.

Ю.Г. ЗЛЫГОСТЕВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РПЦ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В БУРЯТИИ (КОНЕЦ 1930-х–1980-е гг.): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

История государственно-церковных отношений в советский период представляет собой важную научную проблему, интерес к которой значительно активизировался в последние годы. Это объясняется, в первую очередь, осознанием уникальности опыта существования и выживания РПЦ в условиях антирелигиозного государства и коммунистического режима.

Современное общество пытается наиболее эффективно выстроить взаимоотношения церкви и власти, учитывая при этом имеющийся исторический опыт и, в том числе, советскую модель отделения церкви от государства. При этом воссоздание объективной картины религиозной жизни в стране требует широкого привлечения регионального материала, непредвзятого анализа проблем взаимоотношений между церковью и местными властными структурами.

К концу 1930-х гг. преобразования в социально-экономической, политической и идеологических сферах нашли свое отражение в формировании взаимоотношений церкви, общества и власти. В 1936 г. была принята Конституция СССР, согласно которой декларировался принцип отделения церкви от государства и школы от церкви в целях обеспечения за гражданами свободы совести. В феврале 1938 г. на пленуме Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) была разработана программа активизации антирелигиозной деятельности. При этом, как отмечает большинство современных исследователей, к концу 1930-х гг. наступление на церковь не принесло ожидаемой победы над религией. Административно-репрессивные меры, проводимые органами власти, не привели к уничтожению православного сознания.

Не стала исключением в этом процессе и Бурят-Монгольская АССР, где исторически общество формировалось как поликонфессиональное. При этом в 1917 г. самой крупной и многочисленной конфессией по количеству верующих было православие. Так, православных культовых зданий насчитывалось 154, количество верующих составляло 83 234 человек (*Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. С. 34–35*). А уже к началу 1940-х гг. все православные церкви были

закрыты, богослужбное имущество изъято, а духовенство подверглось террору и насилию. Постановлением Президиума Верховного Совета БМАССР от 27 мая 1940 г. была закрыта последняя действующая церковь на территории Бурятии — Троицкая церковь в г. Улан-Удэ. Процедура закрытия была стандартной. В течение последних двух лет рабочие и служащие ряда учреждений, предприятий и общественных организаций города ходатайствовали о закрытии церкви. Так как здание рационально не использовалось, а количество верующих, посещающих церковь для удовлетворения религиозных потребностей, значительно уменьшилось: «только за 1940 г. внесено 62 решения с участием граждан 5163 человек» (НАРБ, ф. р.-248, оп.3, д.163, л.238). Кроме того, в постановлении отмечалось, что религиозное общество православной Троицкой церкви не было зарегистрировано в установленном порядке. В ответ на эти действия органов власти прихожанка церкви Кулакова Мария Дмитриевна обратилась к Председателю Верховного Совета СССР М.И. Калинину с просьбой об открытии храма (Там же, л.242).

Таким образом, к 1940 г. на территории БМАССР не осталось ни одного действующего здания культа.

Годы Великой Отечественной войны явились новым этапом в развитии государственно-церковных взаимоотношений, для которого были характерны серьезные уступки церкви, закрепляемые на законодательном уровне. Это было вызвано целым комплексом причин: обращением в годы войны к национально-патриотическим традициям, ростом религиозности населения, особенно женского, активной патриотической деятельностью Московской Патриархии и др. Начали открываться храмы, смягчились репрессии по отношению к духовенству и верующим. Советское государство де-факто признало Русскую православную церковь централизованной организацией. 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, в задачи которого входило предварительное рассмотрение вопросов, касающихся церкви, разработка проектов законодательных актов и постановлений, «своевременное информирование» правительства о положении РПЦ в стране, общий учет церковей и составление статистических сводок. Однако созданный изначально как Совет, осуществляющий взаимодействие органов советской власти и церкви, Совет по делам РПЦ со временем все более стал превращаться в регистрирующий и контролирующий орган, полностью зависимый от партийного руководства.

В мае 1944 г. был учрежден Совет по делам религиозных культов, на который возлагалась задача осуществления связей «между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений». Наряду с центральным аппаратом Совета был создан институт уполномоченных при Совнаркоммах союзных и автономных республик, при край- и обليس-

полкомах, права и обязанности уполномоченных регламентировались в особой инструкции, принятой 5 февраля 1944 г. В функции уполномоченных входили — учет и регистрация действующих православных церквей и монастырей; регистрация духовенства; рассмотрение ходатайств групп верующих об открытии церкви или молитвенного дома, подготовка и отчет о деятельности местных религиозных организаций.

В Бурят-Монголии потепление государственно-церковных взаимоотношений нашло отражение в открытии церкви в г. Улан-Удэ. СНК БМАССР удовлетворил ходатайство группы верующих об открытии Заудинской Вознесенской православной церкви, здание церкви передавалось религиозной общине (*Постановление № 190 СНК БМАССР от 4 мая 1945 г.*). В 1946 г. была открыта Успенская церковь в городе Кяхта. Данные справки «О состоянии религиозного движения и деятельности духовенства в республике», подготовленной уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР по БМАССР Н.Г. Гармаева, свидетельствуют о том, что в республике в 1949 г. существовало «две зарегистрированные религиозные общины православной церкви: храм «Вознесения» в г. Улан-Удэ и Успенская церковь в г.Кяхте». Кроме того, четыре группы верующих ходатайствовали «об открытии церквей: в с. Читкане и д. Усть-Баргузине Баргузинского аймака, в с. Кударе Байкало-Кударинского аймака и в д. Кал ново Иволгинского аймака» (*Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сборник документов. Улан-Удэ: Комитет по делам архивов РБ, 2001. С. 155*).

Деятельность религиозных учреждений, как и богослужбная, так и финансовая находилась под жестким административным контролем. Контроль со стороны органов власти можно наблюдать по данным информационных отчетов уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совмине Бур. АССР. Так, данные о доходах церквей представляли следующую картину (табл. 1) (*НАРБ, ф.р.-248, оп.4, д.106, л.7–8*).

Таблица 1

Доходы церквей в 1958–1960 гг., тыс. р.

Год	Доходы		
	Вознесенская церковь	Успенская церковь	Итого
1958	856,4	111,7	968,1
1959	845,8	81,5	927,3
1960	772,1	78,4	850,5

Основными источниками доходов церквей были средства, полученные от продажи свечей, просфор, крестиков и икон; от тарелочного сбора, от треб, от приношений и пр. Так, уполномоченный Совета по делам религиозных культов Д. Очиржапов указывал в отчете, что «в результате постоянно проводимой в республике атеистической работы кривая доходов по обеим церквям, хотя и медленно снижается (по сравнению с

1958 г. сумма поступлений уменьшилась на 12%» (Там же). Полученные доходы распределялись в основном на содержание штата обслуживающего персонала и хоров, на проведение ремонтных работ и др.

Одним из важных показателей в деятельности церкви являлось совершение религиозных обрядов. Так, динамику крещеных в Вознесенском храме можно выразить в табл. 2 (Там же, д. 174, л. 2).

Таблица 2

Динамика крещеных в Вознесенском храме

Год	Количество крещений
1979	216
1983	178
1984	241
1986	284

В справке уполномоченного по делам религий при Совмине Бур. АССР М.М. Мулонова в отдел пропаганды и атеизации Бурятского обкома КПСС «О посещении верующими Иволгинского дацана и церкви Вознесения» отмечалось, что постоянными посетителями храма являются «люди преклонного возраста, в основном женщины». Отсутствие мужчин в храме на обряде крещения мотивировалось исключительно бытовыми причинами: «служба в армии, длительная командировка, болезнь и т.д., а некоторые молодые мамы посылают в церковь бабушек, тетюшек или крестят в других городах, будучи в отпусках. Среди таких родителей бывают представители интеллигенции» (Там же).

Приведенные данные свидетельствуют об относительной стабильности государственно-церковных взаимоотношений в период 1970–1980-х гг., что нашло отражение в количестве совершенных религиозных обрядов. Данное положение вещей можно, на наш взгляд, объяснить принятием Конституции СССР 1977 г., где декларировался принцип свободы совести. Впервые свобода совести была конституционно гарантирована и определялась как личное право гражданина. Были введены новые положения о запрещении вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями. Но, в реальной жизни продолжала действовать прежняя политика государства, которая жестко контролировала все стороны церкви, и в целом новоизданные положения на практике не применялись.

Таким образом, взаимоотношения РПЦ и региональной власти в Бурятии в конце 1930-х–1980-е гг. развивались в контексте процессов, которые происходили в государстве и обществе. Изменение нормативно-правовой базы, потепление государственно-церковных отношений в годы войны, возрождение церковной инфраструктуры, сохранение религиозной обрядности свидетельствовали о стабилизации государственно-церковных взаимоотношений.